

Личные мемуары г-жи Ролан

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Л66

Л66 Личные мемуары г-жи Ролан / – М.: Книга по Требованию, 2012. – 160 с.

ISBN 978-5-458-33067-1

ISBN 978-5-458-33067-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Переводъ сдѣланъ по наиболѣе полному изданію Добана: «Mémoires de madame Roland. Seule édition entièrement conforme au manuscrit autographe, transmis en 1858 par un legs à la Bibliothèque Impériale, publiée avec des notes par C. A. Dauban. Ouvrage orné du portrait de madame Roland, gravé par Adrien Nargeot et enrichi du fac-similé de fragments du manuscrit autographe de madame Roland». Paris, Henri Plon, 1864.

H. B.

Въ тюрьмѣ Св. Пелагіи 9 августа 1793 года.

Дочь художника, жена ученаго, ставшаго министромъ и оставшагося добродѣтельнымъ, нынѣ узница, обреченная, быть можетъ, на насильственную внезапную смерть, я знала счастье и несчастье, я видѣла вблизи славу и терпѣла несправедливость.

Родившись, хотя и въ низкой средѣ, но отъ честныхъ родителей, я провела юность на лонѣ искусствъ, питаемая прелестями занятій, не зная иного превосходства, какъ превосходство личныхъ достоинствъ, ни иного величія, какъ величіе добродѣтели.

Въ возрастѣ, когда избираютъ себѣ занятіе, я лишилась надежды на состояніе, которое могло дать мнѣ положеніе, соотвѣтствовавшее моему воспитанію. Союзъ съ человѣкомъ почтеннымъ, казалось, долженъ былъ вознаграждать меня за превратности судьбы—онъ сдѣлался для меня лишь источникомъ новыхъ бѣдъ.

Сильная душа, мягкій характеръ, основательный умъ, наружность, все это выражавшая, привлекли ко мнѣ любовь тѣхъ, кто меня знаетъ. Положеніе, въ которомъ я очутилась, создало мнѣ враговъ—я лично ихъ не имѣю. Тѣ кто говорятъ больше всего зла про меня, никогда меня не видали.

Истинно, вещи рѣдко таковы, какими онѣ кажутся. Тѣ дни моей жизни, когда я больше всего вкушала счастья или испытывала горя могли бы часто показаться постороннимъ обратными тому, чѣмъ они были на самомъ дѣлѣ. Оно и понятно: счастье зависитъ больше отъ привязанностей, чѣмъ отъ обстоятельствъ.

Я хочу воспользоваться досугами заключенія, чтобы воспроизвести всю свою личную жизнь, начиная съ дѣтства и кончая этою минутой. Вновь проходить всѣ шаги своей жизни значитъ жить во второй разъ, и что лучшаго дѣлать въ тюрьмѣ, какъ не перенестись

въ иной міръ счастливо мечтою или любопытными воспомина-
ніями?

Если опытъ дѣйствительно пріобрѣтается скорѣе отъ размыш-
леній надъ тѣмъ, что видишь и что дѣлаешь, чѣмъ отъ самаго дѣла,
то опытность моя можетъ значительно расшириться отъ предприня-
таго мною труда.

Общественныя дѣла, мои личныя чувства давали въ теченіе
двухъ мѣсяцевъ заключенія столь обильный матеріалъ для мыслей
и описаній, что не являлось и потребности въ воспоминаніяхъ о
давно прошедшихъ временахъ; первыя пять недѣль поэтому были
посвящены на составленіе „историческихъ очерковъ“, которые мо-
жетъ быть, не были лишены нѣкоторыхъ достоинствъ. Но ихъ унич-
тожили. Я почувствовала всю горечь этой утраты, которой я уже не
исправлю, но вознегодовала-бы на себя, если-бы я отъ чего либо могла
пасть духомъ. Среди всѣхъ испытанныхъ мною несчастій самое силь-
ное чувство горя неизмѣнно сопровождалось желаніемъ противоста-
вить свои силы постигшему меня злу и преодолѣть его, или дѣлая
добро другимъ, или закаляя себя бѣдою. Такимъ образомъ несчастья
могутъ преслѣдовать меня со всѣхъ сторонъ, но не подавить. Я могу
быть гонима тиранами, но уничтожена ими—никогда, никогда!

Записки мои погибли; я буду писать свои воспоминанія и, бла-
го разумно считаюсь съ собственной слабостью въ минуту сильнаго
огорченія, для того, чтобы лучше отвлечься, побесѣдую о себѣ. Съ оди-
наковою откровенностью я представляю здѣсь свои достоинства и свои
недостатки. Человѣкъ, который не рѣшается открыто говорить о своихъ
достоинствахъ, почти всегда трусь, знающій и боющійся того ху-
дого, которое могутъ сказать о немъ, а тотъ, кто колеблется при-
знать свои недостатки, не обладаетъ мужествомъ, необходимымъ для
того, чтобы ихъ искупить и не пасть подъ ихъ бременемъ. Столь
откровенная относительно себя, я не буду стѣсняться и въ отноше-
ніи другихъ: отецъ, мать, друзья, мужъ,—я ихъ всѣхъ изображу та-
кими, каковы они въ дѣйствительности, или какими я ихъ считала.

Пока я жила мирно и сосредоточенно, моя природная чувствитель-
ность настолько преобладала надъ всѣми другими моими свойствами,
что она проявлялась одна или господствовала надъ всѣми. Первою
потребностью моею было нравиться и дѣлать добро. Я нѣсколько по-
ходила на добраго de-Gourville, котораго, по словамъ г-жи Севиньѣ,
любовь къ ближнему прерывала на полу-словъ; S-te Lette могъ бы
сказать обо мнѣ, что обладая талантомъ тонкихъ эпиграммъ, я не
позволяла имъ срываться съ своихъ устъ. Съ тѣхъ же поръ, какъ
обстоятельства, политическія и другія бури, развили энергію моего
характера, я прежде всего стала откровенной и не останавливаюсь

передъ тѣми мелкими обидами, какія случается наносить. Я болѣе не сочиняю эпиграммъ: онѣ предполагають любовь колотъ людей своей критикой, а я не охотница бить мухъ; но я люблю открыто воздавать всѣмъ должное, возстановляя истину и провозглашая ее въ лицо виновнымъ, какъ-бы она ни была ужасна, не удивляясь, не волнуясь и не сердясь, какое-бы впечатлѣнiе это на нихъ ни производило.

Gatien Phlipon, мой отецъ, былъ граверомъ по ремеслу. Онъ занимался также живописью и одно время, скорѣе изъ расчета, чѣмъ по влеченiю, думалъ специально предаться живописи по эмали; но ему пришлось бросить это дѣло, такъ какъ высокая температура, при которой обжигается эмаль, оказалась вредной для его зрѣнiя и не пришлась ему по нраву. Онъ снова вернулся къ своему ремеслу, которое было скромно, но несмотря на трудолюбiе, несмотря на то, что времена благоприятствовали его искусству и онъ держалъ довольно значительное число подмастерьевъ, страсть къ наживѣ влекла его къ торговлѣ: онъ покупалъ или бралъ въ уплату у купцовъ, съ которыми велъ дѣла, драгоценныя вещи и брилліанты для перепродажи ихъ по случаю. Я упоминаю объ этомъ обстоятельстве, такъ какъ замѣтила, что честолюбiе обыкновенно губить людей, къ какому-бы обществу они ни принадлежали; оно возвышаетъ нѣсколькихъ счастливицевъ надъ уровнемъ толпы, но за то создаетъ массу жертвъ. Въ примѣрѣ моего отца я не разъ еще найду подтвержденiе этой мысли. Ремесло его доставляло ему средства для обезпеченной жизни; онъ захотѣлъ обогатиться и кончилъ разоренiемъ.

Здоровый и сильный, дѣятельный и тщеславный, онъ любилъ жену свою и любилъ роскошь; человѣкъ необразованный, онъ обладалъ той степенью вкуса и тѣмъ поверхностнымъ запасомъ знанiй, которые даютъ занятiя искусствомъ, какъ-бы ничтожны они ни были. Поэтому, несмотря на его превлеченiе передъ богатствомъ и тѣми занятiями, которыя его доставляютъ, онъ поддерживалъ съ купцами только дѣловыя сношенiя, а знакомство водилъ лишь съ художниками, живописцами и скульпторами. Пока честолюбiе его знало мѣру и не встрѣчало неудачъ, онъ велъ очень умѣренную жизнь; нельзя сказать, чтобы онъ былъ добродѣтельнымъ человѣкомъ, но въ немъ было много того что называютъ честью: онъ, правда, способенъ былъ запросить за вещь болѣе, чѣмъ она того стоила, но скорѣе бы лишилъ себя жизни, нежели бы не выплатилъ денегъ за ту, которую купилъ.

Маргарита Vimont, его жена, принесла ему въ приданое очень мало денегъ, но чудную душу и прелестную наружность. Старшая изъ 6 дѣтей, для которыхъ она была матерью, она вышла замужъ двадцати шести лѣтъ лишь для того, чтобы уступить свое мѣсто сестрамъ. Чувствительное сердце, обаятельный умъ заставляли желать для нея

союза съ человѣкомъ тонкимъ и просвѣщеннымъ, но родители ея представили ей честнаго человѣка, способности котораго обезпечивали ему средства къ жизни, и разсудокъ побудилъ ее согласиться на этотъ бракъ. За неизмѣнимъ счастья, на которое она не могла надѣяться, она чувствовала, что сумѣетъ водворить у себя миръ, способный зажить собою счастье. Благоразумно умѣтъ ограничивать свои потребности; радости случаются рѣже, нежели принято думать, но въ добродѣтельной жизни заключается неизмѣнный источникъ утѣшеній.

Я была ихъ вторымъ ребенкомъ; мой отецъ и мать имѣли всего семь человѣкъ дѣтей, но остальные умерли въ младенческомъ возрастѣ или при появленіи на свѣтъ, вслѣдствіе различныхъ случайностей, и мать моя любила иногда вспоминать, что только я одна никогда не причинила ей страданій, такъ какъ роды ея были также благополучны, какъ беременность. Казалось, будто здоровье ея укрѣпилось послѣ моего рожденія.

Одна тетка моего отца прискала для меня въ окрестностяхъ Арпажона гдѣ она часто проводила лѣто, здоровую кормилицу, хорошаго поведенія; въ околоткѣ относились къ ней съ особеннымъ уваженіемъ, вслѣдствіе того, что мужъ ее мучилъ своей грубостью, не будучи въ состояніи этимъ измѣнить ея характеръ и поведеніе. Г-жа Besnard — такъ звали мою двоюродную бабушку и не имѣла дѣтей; ея мужъ былъ моимъ крестнымъ отцомъ, оба относились ко мнѣ, какъ къ родной дочери. Они всегда продолжали заботиться обо мнѣ; они и сейчасъ еще живы и на склонѣ лѣтъ томатся подъ бременемъ горя; они вздыхаютъ о судьбѣ своей внучатной племянницы, предмета ихъ надеждъ и гордости. Почтенные старики мои, утѣштесь! Лишь немногимъ суждено пройти жизненный путь свой среди того мира и тишины, какіе васъ окружаютъ; а я стою на высотѣ несчастій, выпавшихъ на мою долю, и не перестану преклоняться передъ вашею добродѣтелью.

Мои добрые родные своимъ вниманіемъ поддерживали и поощряли неустанную заботливость моей кормилицы; она приобрѣла любовь моего семейства своимъ усердіемъ и успѣхами въ моемъ воспитаніи. Она каждые два года неизмѣнно, въ теченіе всей своей жизни, пріѣзжала въ Парижъ для свиданія со мной; она поспѣшила ко мнѣ при извѣстіи о жестокой утратѣ, которую я понесла со смертію моей матери. Я до сихъ поръ помню, какъ она предстала передо мною; я лежала на постели, погруженная въ свое горе; ея присутствіе слишкомъ живо возстановило въ памяти недавнюю утрату, первое горе моей жизни, и со мной сдѣлались судороги; она испугалась и удалилась, и я больше не видѣла ее; вскорѣ послѣ этого она умерла. Я бывала у нея въ избѣ, въ которой она меня вскормила, я съ умиленіемъ слушала добродушныя сказки, которыя она любила сочинять, показывая мнѣ мои когда

то любимые уголки, вспоминая мои проказы, которые смѣшили ее и теперь.

Мнѣ было два года, когда я вернулась въ родительскій домъ; мнѣ часто рассказывали объ удивленіи, проявленномъ мной при видѣ зажженныхъ вечеромъ на улицѣ фонарей, которые я называла красивыми бутылками; о моемъ нежеланіи употреблять то, что собственно называютъ горшкомъ, такъ какъ мѣстомъ для удовлетворенія извѣстной потребности для меня всегда служилъ одинъ уголокъ въ саду; и о наситѣшливомъ видѣ, съ какимъ я спрашивала, показывая на суповыя чашки и салатники, не сдѣланы ли и они для той же цѣли. Приходится умалчивать объ этихъ милыхъ и другихъ столь-же важныхъ вещахъ, занимающихъ лишь кормилицъ и передаваемыхъ лишь бабушкамъ и дѣдушкамъ: пусть не ждутъ отъ меня здѣсь описанія маленькой двухлѣтней чернушки съ темными волосами, красиво обрамлявшими личико, покрытое яркимъ румянцемъ и дышавшее счастьемъ и здоровьемъ своего возраста. Я знаю, что наступитъ болѣе подходящее время для описанія моей наружности и не сдѣлаю неволности предупредить его.

Мать моя силой своего ума и доброты скоро приобрѣла на мою кроткую и нѣжную душу, вліяніе, которымъ она всегда пользовалась лишь для моего блага. Это вліяніе было такъ сильно, что при неизбежныхъ мелкихъ столкновеніяхъ между руководящимъ разумомъ и сопротивляющимся ребенкомъ, ей никогда не пришлось прибѣгать къ наказанію: ей достаточно было холоднымъ тономъ произнести— „mademoiselle“ или бросить на меня строгій взглядъ. Я до сихъ поръ помню впечатлѣніе, которое производилъ на меня этотъ взглядъ, обыкновенно столь ласковый. Я слышу, внутренне содрогаясь, исполненное холоднаго достоинства слово „mademoiselle“, вмѣсто нѣжнаго названія—моя дѣвочка, и милаго имени „Манон“. Да Манон, такъ звали меня; я огорчена за любителей романовъ: это имя неблагородно; оно не подходитъ къ героинямъ высокаго полета, но, что дѣлать,—это было мое имя, и я пишу повѣсть изъ дѣйствительной жизни. Впрочемъ самые взыскательные люди примирились-бы съ этимъ именемъ, еслибы слышали его въ устахъ моей матери и видѣли ту, которой оно принадлежало. Не было-ли всякое слово, произнесенное любящимъ голосомъ моей матери, преисполнено прелести, и когда эти трогательные звуки пронизали въ мое сердце, не учили-ли они меня на нее походить?

Живая, хотя и не шумная и по природѣ сосредоточенная, я любила быть занятой и быстро схватывала всякую мысль. Этой способностью хорошо воспользовались: не помню чтобы меня когда-либо учили читать. Мнѣ рассказывали, что къ 4-мъ годамъ дѣло было сдѣ-

лано и что съ тѣхъ поръ заботы о моемъ первоначальномъ ученіи ограничивались снабженіемъ меня книгами. Каковы-бы ни были тѣ изъ нихъ, которыя мнѣ давали или какими я могла завладѣть, онѣ овладѣли мной всецѣло и отвлекъ меня отъ нихъ могли лишь букетами. Видъ цвѣтка невыразимо ласкаетъ мое воображеніе и нѣжить чувство; онъ пробуждаетъ во мнѣ страстную любовь къ жизни съ дѣтства. Уже подъ тихимъ кровомъ отцовскаго дома я была счастлива среди цвѣтовъ и книгъ: въ узкой тюремной оградѣ, среди оковъ, наложенныхъ возмутительной тираніей, я забываю людскую несправедливость, ихъ глупость и мои страданія, когда вижу вокругъ себя книги или цвѣты.

Обстоятельства были слишкомъ удобны, чтобы не воспользоваться ими для обученія меня Ветхому и Новому завѣту, большому и малому катехизисамъ. Я училась, чему хотѣли, и вытвердила бы Алькоранъ, если-бы меня выучили его читать. Мнѣ припоминается одинъ художникъ, по имени Guibal; онъ позже жилъ въ Штутгартѣ, и я видѣла нѣсколько лѣтъ тому назадъ его хвалу Пуссену, увѣнчанную Руанской Академіей; онъ часто навѣщалъ моего отца: это былъ чудакъ, который рассказывалъ мнѣ занимательныя дѣтскія сказки, до сихъ поръ сохранившіяся въ моей памяти; но не менѣе забавляло его самого выслушивать мою ученую болтовню. Онъ и теперь передо мною, какъ живою, съ своимъ нѣсколько смѣшнымъ лицомъ; онъ сидитъ на креслѣ, ставитъ меня между колѣнами, на которыя я опираюсь локтями, и заставляетъ меня произносить символъ Св. Аванасія; онъ вознаграждаетъ мою любезность разговоромъ о нѣкоемъ Танжэ, у котораго носъ былъ до того длиненъ, что онъ принужденъ былъ его обвивать вокругъ руки своей, когда хотѣлъ двигаться. Я могла бы привести еще болѣе рѣзкія сопоставленія.

Семи лѣтъ меня начали посылать на воскресные классы (закона Божія) въ приходской церкви для приготовленія къ конфирмаціи. Судя по ходу событій у моихъ читателей легко явится вопросъ о томъ, что это такое было. Расскажу въ чемъ дѣло. Въ любомъ уголку церкви, въ часовнѣ или придѣлѣ ставилось на опредѣленномъ пространствѣ другъ противъ друга нѣсколько рядовъ стульевъ или скамей; въ серединѣ оставлялся довольно широкой проходъ и въ концѣ его на нѣкоторомъ возвышеніи помѣщалось кресло—курульное кресло молодого священника, который училъ отданныхъ на его попеченіе дѣтей. Въ этихъ классахъ дѣтей заставляли твердить на память относящіяся къ каждому дню страницы изъ евангелія—посланія, молитвы, и заданныя на недѣлю главы изъ катехизиса. Когда сборища эти бывали многочисленны, священнику во время урока помогали въ качествѣ репетитора молодой причетникъ; наиболѣе же существенными

вопросами занимался самъ учитель. Въ иныхъ приходахъ дѣти об-
ихъ половъ присутствовали совмѣстно на урокахъ Закона Божія, хотя
они и были размѣщены на разныхъ скамьяхъ. Въ большинствѣ же прихо-
довъ мальчики и дѣвочки обучались отдѣльно. Матери или кумушки—
большія охотницы до поученій, въ какой-бы грубой формѣ они
ни подносились, присутствовали при этихъ урокахъ, послѣдовательно
приспособленныхъ къ различнымъ возрастамъ и устроенныхъ съ цѣлю
приготовленія къ конфирмаціи или первому причастію. Ревностные
приходскіе священники отъ времени до времени посѣщали свое юное
стадо, наученное почтительно вставать съ мѣстъ при ихъ появленіи;
они предлагали нѣсколько вопросовъ наиболѣе виднымъ ученицамъ
съ цѣлю удостовѣриться въ ихъ познаніяхъ; матери послѣднихъ
исполнялись гордости, и священникъ удалялся среди глубокихъ ихъ
присѣданій. Г-нъ Garat, священникъ моего прихода Св. Варооломея,
въ части города, которая тогда называлась въ Парижѣ—Cité, былъ доб-
рякъ, пользовавшійся репутаціей очень ученаго человѣка, хотя онъ и не
умѣлъ сказать двухъ словъ съ каедры, съ которой имѣлъ несчастную
страсть говорить; такъ же точно теперь толкуютъ о чрезвычайныхъ
способностяхъ другого Garat, министра, не справляющагося съ своимъ
дѣломъ. Господи въ Garat, священникъ моего прихода, однажды при-
сутствовалъ при моемъ урокѣ Закона Божія; и, желая испытать мои
познанія и въ то-же время проявить свою собственную ученость, онъ
предложилъ мнѣ вопросъ о количествѣ степеней ангеловъ небесной
іерархіи. Взглянувъ на его побѣдоносное и лукавое выраженіе лица, я
была убѣждена, что онъ рассчитывалъ меня смутить; съ улыбкой я ему
отвѣтила, что хотя нѣкоторыя изъ нихъ и были указаны въ предис-
ловіи къ литургіи, но я вычитала изъ другихъ книгъ, что ихъ всего
было девять и заставила его выслушать перечисленіе ангеловъ,
архангеловъ, престоловъ, влѣстей и т. д. Никогда познанія неопитки
еще не доставляли подобнаго удовольствія священнику; этого было
достаточно, чтобы создать мнѣ репутацію среди святошей, и я дѣй-
ствительно была маленькой избранницей, какъ то будетъ видно впо-
слѣдствіи.

Многихъ, можетъ быть, удивить, что мать моя при своей забот-
ливости о моемъ воспитаніи и здоровомъ смыслѣ вздумала меня посы-
лать на уроки закона Божія, но всякое обстоятельство вызвано извѣст-
ными причинами. Ея молодой братъ былъ церковно-служителемъ въ
нашей приходской церкви и ему порученъ было, выражаясь техниче-
скимъ языкомъ, „катехизисъ конфирмаціи“. Присутствіе племянницы
на урокахъ его могло послужить прекраснымъ примѣромъ, способнымъ
побудить и другихъ людей, не принадлежавшихъ къ такъ называемому
простому народу, присылать на эти уроки своихъ дѣтей,—а это было

очень лестно для священника: притомъ же я обладала памятью, которая всюду должна была обезпечить мнѣ первое мѣсто, и всѣ остальные условія лишь отгнѣяли такого рода превосходство; поэтому подъ внѣшнимъ видомъ простоты у моихъ родителей въ сущности скрывались тщеславныя побужденія.

Такимъ образомъ въ дни раздачи наградъ, — событія, праздновавшегося съ большимъ блескомъ въ концѣ каждого года, я получала первыя награды, хотя протекція и не играла ни малѣйшей роли въ этомъ отличіи; всѣ церковныя сторожа и приходское духовенство находили, что мой молодой дядя очень счастливъ, такъ какъ благодаря этому обратилъ на себя большое вниманіе. Обратить же на него вниманіе значило почувствовать къ нему симпатію. Онъ былъ красивъ собой и очень добръ; необыкновенно привѣтливый характеръ, кроткій нравъ и самая искренняя веселость отличали его до послѣднихъ дней его жизни. Онъ умеръ каноникомъ въ Венсенѣ, въ то самое время, когда революція собиралась уничтожить всѣ капитулы. Я почувствовала, что теряю съ нимъ послѣдняго изъ родныхъ со стороны моей матери, и всегда съ умиленіемъ вспоминаю про него. Любовь моя къ ученію и мои способности подали ему мысль заняться со мной латинскимъ языкомъ; я была въ восхищеніи; для меня было праздникомъ найти новый предметъ ученія; ко мнѣ приходили на домъ учителя чистописанія, географіи, танцевъ и музыки; мой отецъ началъ заниматься со мной рисованіемъ. Но и этихъ уроковъ для меня было мало. Съ 5 часовъ утра на ногахъ, когда всѣ еще спали въ домѣ, я въ одной кофточкѣ и не обутая, тихонько бѣжала въ комнату моей матери, гдѣ въ углу стоялъ столъ, на которомъ я работала; и я списывала и учила свои уроки съ жаромъ, благодаря которому достигала быстрыхъ успѣховъ.

Мои учителя вслѣдствіе этого становились все ласковѣе со мною; они сидѣли за уроками долго, и относились къ нимъ съ интересомъ, который все сильнѣе увлекалъ меня за собой; всякій изъ нихъ, казалось, столько же польщенъ былъ учить меня, какъ я была благодарна имъ за ихъ уроки; послѣ нѣсколькихъ лѣтъ преподаванія они всѣ безъ исключенія заявляли о томъ, что я перестала нуждаться въ ихъ урокахъ и не соглашались долго принимать за нихъ деньги, хотя и изъявляли желаніе иногда приходить бесѣдовать со мной и навѣщать насъ въ качествѣ знакомыхъ.

Я всегда буду почитать память добраго M-r Marchand, который съ 5 лѣтъ началъ меня учить чистописанію и позже давалъ мнѣ уроки географіи и исторіи; это былъ человѣкъ съ яснымъ умомъ, терпѣливый и методичный, я называла его „Monsieur Doucet“ (сладенькимъ). Онъ впослѣдствіи женился на очень порядочной женщинѣ, состоявшей при домѣ „Nesle“; я бывала у него во время его по-